

время не учились со смысломъ, а, такъ сказать, долбили слово въ слово по книгѣ, безъ всякаго толку. Учителя никогда ничего не объясняли, а только требовали, чтобы ученикъ зналъ все наизусть, что сказано въ книгѣ, при чемъ не дозволялось даже переставлять слова. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ уроки не могли интересовать Щепкина, и онъ, сидя въ классѣ, только объ одномъ и мечталъ: какъ бы поскорѣе кончились уроки и наступилъ вечеръ. А вечеромъ Миша не сидѣлъ дома, нѣтъ: онъ ходилъ въ театръ. Его пускали туда даромъ, и вотъ какъ это вышло. Въ одномъ домѣ съ нимъ жили музыканты, служившіе въ театрѣ. Щепкинъ имъ помогалъ таскать литавру или контрабасъ, и за это они позволяли ему сидѣть въ оркестрѣ. А иногда его водилъ въ раскъ его товарищъ по училищу, который приходился братомъ содержателямъ театра, Барсовымъ. Черезъ этого товарища Миша вошелъ въ знакомство съ Барсовыми, бывалъ въ ихъ домѣ, даже работалъ для нихъ, переписывая роли, а нерѣдко онъ даже исполнялъ должность суфлера. Вообще театръ сталъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ Щепкинъ имѣлъ удовольствія, радости и утѣшенія отъ непріятностей, которыхъ ему, какъ крѣпостному, приходилось-таки не мало испытать. Ему на долю выпало познакомиться и съ голодомъ, и съ тумаками да подзатыльниками, и съ насмѣшками надъ его низкимъ положеніемъ. Да и школьный учитель не церемонился съ нимъ, хотя Миша былъ первымъ ученикомъ въ классѣ. Начальство сдѣлало выговоръ учителю за его небрежное отношеніе къ дѣлу. Выговоръ былъ вполне справед-